

Уроки афганского кризиса (вместо заключения)

Афганский кризис имеет длительную историю и изначально не связан с вводом советских войск в Афганистан, как это повелось писать в западной прессе и изданиях по истории этой страны. Начавшийся еще в середине XX в. и позже переросший в затяжную гражданскую войну, он был вызван в своей основе вопиющим социальным неблагополучием в жизни подавляющего большинства населения страны – его беспросветной нищетой, безысходностью положения, невежеством, бесправием, безработицей, огромным аграрным перенаселением и массовой пауперизацией сельских жителей, а также нерешенностью многих внутренних политических проблем. Под влиянием обострившихся социально-политических противоречий в стране начиная с конца 40-х годов прошлого века возникли и пришли в движение различные оппозиционные общественные круги и силы. Среди них особой активностью и популярностью отличались леворадикальные и национально-патриотические элементы. На остроту и идейно-политическую направленность их выступлений влияли не только внутренние, но и внешние факторы, в частности: широкий размах начавшейся после Второй мировой войны национально-освободительной борьбы на афроазиатском пространстве, усиление идейно-политической конфронтации двух мировых систем и, особенно, популярность в странах «третьего мира» социалистических идей.

Политический спектр афганской оппозиции оказался исключительно широким: от крайне левых, леводемократических, мелкобуржуазно-популистских, националистических, буржуазно-либеральных до крайне правых, консервативно-клерикальных и экстремистских сил. Каждая из них предлагала свою программу мер и действий, чтобы вывести страну из глубокого социально-экономического и политического кризиса, покончить с вековой отсталостью, нищетой и невежеством своего народа и приобщить его к плодам современной цивилизации.

Процесс накопления «горючего материала», приведшего, в конце концов, к Апрельской революции 1978 г. и установлению в стране власти левых радикалов, занял более 30 лет (1947–1978 гг.). Следствием растянувшегося на десятилетия внутриафганского кризиса явилась насильственная смена шести последовательно правивших в Афганистане режимов: монархического (1973 г.), даудовского республиканского (1978 г.), двух левых (Тараки-Амина в 1979 и Наджибуллы в 1992 г.), моджахедов (1996 г.) и талибов (2001 г.).

Апрельская революция не была исторической случайностью или делом рук узкой группы заговорщиков из числа радикально настроенного армейского офицерства. Она, явившись результатом системного общенационального кризиса, открыла, как казалось, путь для глубоких преобразований в стране на демократических началах. Однако этого не случилось по многим причинам субъективного и объективного характера. Среди них можно выделить: общую экономическую отсталость страны, низкий уровень социальной и политической сознательности подавляющего большинства населения, прежде всего крестьянства, и непонимание значения и ценности для них лозунгов и призывов левых радикалов, слабость и малочисленность пришедшей к власти партии – НДПА. Левый кабульский режим, придя к власти, располагал весьма ограниченной социальной опорой, состоявшей лишь из узкой прослойки демократически настроенной интеллигенции, чиновничества и части городских средних слоев. Он оказался неспособным управлять такой сложной страной, какой является Афганистан, и успешно проводить намеченные реформы и преобразования из-за многих допущенных ошибок и просчетов, волонтаризма при решении насущных проблем страны и общества, неучета специфики Афганистана, уровня его социально-экономического и политического развития и менталитета народа, а также разгоравшейся гражданской войны.

Против власти левых в Кабуле ополчились не только внутренние консервативные и клерикальные круги, которые хотели удержать Афганистан на средневековых рубежах и

сохранить в обществе свое безраздельное влияние и господство, но и могущественные внешние (западные) силы, увидевшие в программных лозунгах и действиях афганских левых демократов опасный прецедент «коммунистической» экспансии, заразительный пример для прозябающих в отсталости и нищете восточных народов и угрозу своим геополитическим интересам в регионе. В условиях конфронтации двух мировых систем Запад пугала перспектива утраты в мире веры в его ценности, справедливость капитализма, как системы, и сужения его географического пространства. Что касается еще одного непримиримого противника «красных» в Кабуле – консервативных исламских режимов региона, то они увидели в афганской революции угрозу безраздельному влиянию ислама и его ценностям. В силу указанных обстоятельств афганский внутренний конфликт был максимально интернационализирован. При этом особый трагизм и тупиковый характер ему придал ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. С этого времени эта страна была превращена в полигон военного и идеологического противостояния двух мировых систем, а афганский народ – в заложника их конфронтации.

Советская военная акция в Афганистане имела для этой страны многоплановые и довольно противоречивые последствия. С одной стороны, советское военное присутствие, предупредив неизбежный крах власти левых в противостоянии с вооруженной оппозицией и агрессией извне, объективно создавало благоприятные условия для укрепления позиций нового кабульского правительства во главе с Б. Кармалем. С другой стороны, ввод советских войск не только не облегчил, но, наоборот, еще больше осложнил в условиях конфронтации двух мировых систем решение главной задачи – стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана. Нахождение советских войск на его территории задело национальные чувства афганцев, во все времена щепетильно относившихся к проблеме независимости страны, чем не преминули воспользоваться внутренние и внешние силы в информационно–пропагандистской войне против Москвы и Кабула.

Приведенное Москвой к власти в Афганистане в конце 1979 г. правительство Б. Кармалю сумело устранить ряд негативных последствий прежнего левацко–авантюристического курса во внутренней политике страны и обеспечить себе более широкую поддержку в различных слоях афганского общества. Вместе с тем ему не удалось кардинально изменить в свою пользу военно–политическую ситуацию в стране. К середине 80–х годов стала абсолютно очевидной бесперспективность урегулирования афганской проблемы военными средствами. Москва и Кабул взяли курс на поиски ее политического решения. На свет появилась разработанная в московских кабинетах политика национального примирения. Ее исполнителем явилось афганское руководство во главе с Наджибуллой.

Следует отметить, что политика национального примирения при условии доброй воли вооруженной оппозиции и ее иноземных покровителей и доноров объективно открывала путь к развязке тугого афганского узла и прекращению многолетней гражданской войны в стране. Более того, концепция национального примирения на основе всесторонней либерализации правящего режима предложила возможную модель будущего демократического государственного устройства Афганистана. К сожалению, по злой воле внутренних и внешних противников Кабула данная модель оказалась не реализованной. Леводемократический режим Наджибуллы пал. Ему на смену пришли религиозные экстремисты, развернувшие кровавые эксперименты по созданию в стране основ тоталитарного теократического государства. На новом витке гражданской войны территория Афганистана при щедрой поддержке и помощи со стороны зарубежных исламских экстремистских организаций и консервативных режимов региона была превращена в базу и основной центр подготовки международных террористов.

Уроки афганского кризиса многосторонни, непреходящи и поучительны не только для Афганистана, но и для сходных ситуаций в других уголках мира. Среди этих уроков наиболее важными представляются следующие:

1. Афганская история убедительно подтвердила ту истину, что осуществление в отсталой восточной стране глубоких, давно назревших социально–экономических и политических преобразований не терпит поспешности, непоследовательности и волюнтаризма и сопряжено с колоссальными трудностями из-за крайне низкого исходного уровня экономического развития страны, неготовности подавляющего большинства ее населения к переменам в традиционном укладе жизни, узости и слабости социальной базы новой власти, вознамерившейся перестроить страну и общество на путях демократии и социальной справедливости. В то же время свергнутые правящие круги и их социальная опора еще длительное время остаются гораздо сильнее радикально настроенной новой власти в силу давно установленных ими прочных связей внутри страны и за рубежом, в том числе экономических, финансовых, духовных и пр., в силу сохраняющейся довольно широкой поддержки со стороны традиционных общественных институтов и структур и бюрократического аппарата. Если к этому еще добавить ставшее в современную эпоху нормой беззастенчивое внешнее вмешательство во внутренние дела других стран по идейным и геополитическим соображениям, то становятся понятными неимоверные трудности любых попыток прогрессивных и демократических элементов избавить свой народ и страну от пут вековой отсталости, нищеты и невежества.

2. Афганская история последних десятилетий XX в. свидетельствует о том, что слепое, бездумное заимствование чужого, даже по своей сути прогрессивного, опыта и неучет при этом специфики своей страны, уровня ее социально-экономического и политического развития, ее этнических, религиозных, психологических, исторических и других особенностей неизбежно влекут за собой непоправимые просчеты и поражения при реализации, казалось бы, самых благих намерений.

Роковую роль в навязывании чужого опыта, родившегося в совершенно иных исторических условиях, и это следует особо подчеркнуть, сыграли некомпетентность и дилетантство советского советнического аппарата, наводнившего в конце 70–80–х годах XX в. буквально все ведомства и службы Афганистана как на центральном, так и на местном уровнях. Истины ради надо заметить, что советские советники, будучи в принципе высококвалифицированными специалистами каждый в своей области, бесспорно, сделали очень много полезного для этой страны, в том числе, к примеру, в укреплении военного и экономического потенциала государства, создании и функционировании политической системы общества, профессиональной подготовке и совершенствовании навыков работы управленческих кадров, становлении и деятельности многих государственных служб и ведомств и пр. Однако их возможности в совершенно незнакомой для них восточной стране оказались весьма ограниченными. Они не знали в своем подавляющем большинстве специфику и особенности Афганистана и поэтому навязывали афганцам рецепты решения многих вопросов по аналогии с советским опытом. Особенно абсурдными и пагубными для афганской революции были их советы по социализации общественной и экономической жизни Афганистана, еще не избавившегося от пережитков феодальных и дофеодальных отношений и родоплеменной организации, излишней идеологизации внутренних процессов и программных лозунгов, утверждению монополии на власть одной партии, характерной для СССР, и недопущению союза и сотрудничества с широкой демократически и патриотически настроенной общественностью страны.

3. Афганский кризис воочию подтвердил, что субъективный фактор в политике играет огромную роль. При этом под понятием «субъективный фактор» следует понимать не только степень политической зрелости общества и его готовность поддержать лозунги и процессы демократизации и глубокие прогрессивные преобразования в стране, но и сам субъект власти, его образ жизни и деятельность. Жизнь и история Афганистана после апреля 1978 г. показала, что чем больше народ отстраняется от политики, тем бесконтрольнее становится верховная власть, тем вероятнее ее волюнтаризм, пагубные импровизации (эксперименты) и насилие над судьбами народа, тем демонстративнее ее

тяга к роскоши и излишествам на фоне окружающей нищеты. Власть в условиях бесконтрольности чаще всего прибегает в своей деятельности к двойным стандартам (одно – для себя, другое – для народа), что, в конечном итоге, ведет к дискредитации и непопулярности правящего режима. В Афганистане это ярко проявилось при власти Тараки–Амина, да и после них проявления указанных пороков во многом сохранились.

4. Афганский системный кризис, усиленный вмешательством извне, перерос в длительную гражданскую войну. Ее первые признаки появились еще при республиканском режиме М. Дауда. Однако широкомасштабный характер она приняла после прихода к власти левых радикалов в результате апрельского (1978 г.) вооруженного восстания. Этой власти противостояли довольно сильные группировки вооруженной оппозиции, насчитывавшие к концу 80-х годов в своих рядах до 180–200 тысяч боевиков. Их бо́льшая часть была представлена в полном смысле этого слова наемниками, чье участие в джихаде щедро оплачивалось из кармана региональных и заморских противников кабульского «коммунистического» правительства. Недостатка в такого рода наемниках у оппозиции не было, потому что на территории Пакистана и Ирана в то время волею судьбы и обстоятельств оказались миллионы афганских беженцев, лишенных работы и средств к существованию. Именно «промысел войны», а не идея «борьбы за веру», как таковая, толкал многих из них на участие в рискованных, сопряженных с угрозой для жизни боевых операциях и рейдах внутрь страны на стороне вооруженной оппозиции.

Афганская вооруженная оппозиция по своему составу была, по крайней мере, трехслойной. Ее костяк составляла так называемая «организованная» часть в лице «альянса семи», действовавшего с территории Пакистана, и «альянса восьми», дислоцировавшегося в Иране. В «альянс семи» входили четыре экстремистские группировки непримиримых – Исламская партия Афганистана (глава – Г. Хекматьяр), Исламское общество Афганистана (Б. Раббани), Исламская партия Афганистана (М.Ю. Халес) и Исламский союз за освобождение Афганистана (А.Р. Сайяф) и три организации умеренного толка – Национальный исламский фронт Афганистана (С.А. Гилани), Национальный фронт спасения Афганистана (С. Моджаддеди) и Движение исламской революции Афганистана (М.Н. Мухаммади). Все названные пешаварские группировки никогда, ни во время борьбы против левого режима в Кабуле, ни после его падения, не представляли собой единого целого из-за политических, этнических, религиозных и личных расхождений и противоречий их главарей. Их постоянно раздирали рознь и вражда, часто выливавшиеся в вооруженные столкновения. Ожесточенность борьбы между этими группировками особенно возросла после их прихода к власти в 1992 г.

Кроме «организованной» вооруженной оппозиции внутри страны действовало немало самостоятельных антиправительственных вооруженных формирований, созданных на этнической (племенной) основе во главе со своими ханами, маликами, шейхами, старейшинами, которые, как правило, совмещали в одном лице функции религиозного, политического и военного руководителя. Эти отряды обычно конфликтовали между собой и с пешаварскими группировками, особенно с теми, которые посягали на их племенную «вольницу» и жизненные интересы.

Одновременно с двумя названными выше антиправительственными силами в Афганистане повсеместно орудовали самые настоящие бандитские шайки, единственная цель которых состояла в том, чтобы, прикрываясь лозунгом «джихада», поживиться за счет грабежей населения, мародерства и разбоев на дорогах. Надо признать, что уголовный бандитизм как социальное явление в Афганистане, как, впрочем, и во многих других странах Востока, всегда в их истории то затихал, то усиливался в зависимости от степени прочности центральной власти и ее способности контролировать сельскую периферию и транспортные коммуникации.

И все же, несмотря на отмеченные слабости и разношерстность афганской антиправительственной оппозиции, она, при ее постоянной и всесторонней военной,

финансовой и морально–политической поддержке извне, являла собой внушительную силу, справиться с которой для правящего в Кабуле режима, не располагавшего на поле боя подавляющим превосходством над противником, представлялось весьма проблематичной задачей. Вместе с тем против кабульского «коммунистического» режима воевали многочисленные отряды иностранных наемников, прежде всего арабских, а с конца 80-х годов и регулярные части пакистанской армии и племенные пуштунские ополченческие отряды (малиши), собранные за щедрую плату по обе стороны афгано–пакистанской границы.

5. Афганский конфликт дал еще один пример того, что в условиях идеологической конфронтации двух глобальных социальных систем на международной арене острая внутривосточная борьба в развивающихся странах неизбежно вела к интернационализации внутреннего конфликта, к его ужесточению и затягиванию на длительное время, к огромным жертвам и ущербу для без того слабой экономики этих стран. В целом такого рода конфликты в то время приобретали характер тупиковых. Положение кардинально не изменилось к лучшему и в условиях однополярного мира и глобализации экономики и международных отношений.

6. Афганский конфликт ярко свидетельствует о том, что гражданская война является одной из самых жестоких разновидностей войн. От нее прежде всего страдает мирное население. Дело в том, что в условиях гражданской войны не существует определенной линии фронта и поэтому в ее орбиту втянуто все мирное население, которое становится и объектом, и субъектом, и щитом для противоборствующих сторон, прежде всего той, которая использует партизанские методы и тактику борьбы. Для гражданской войны характерен особый идейно–политический, национальный, религиозный и прочий фанатизм. Все это оборачивается огромными людскими потерями среди мирных жителей. Так, по данным генерала М.А. Гареева, в годы Первой мировой войны доля потерь гражданского населения в числе общих потерь составляла 5 %, во Второй мировой войне – 48 %, а в Афганистане – уже 85 % (см.: Гареев М.А. Афганская страда (с советскими войсками и без них). – М.: ИНСАН, РФК, 1999. – С. 329). Видимо, еще более значительной была сопоставительная доля потерь среди мирного населения при проведении американо–натовской операции в Афганистане в 2001–2002 гг.

7. Гражданская война в Афганистане (как и в других странах) показала, что партизан нельзя победить малыми силами. Чтобы добиться успеха в контрпартизанской войне, необходимы большие военные силы, во много раз превосходящие противника и способные лишить его главных преимуществ: инициативы действий, мобильности, способности действовать малыми группами в любое время суток, поддержки населения, тыловых баз на чужих территориях для перегруппировок, обучения, лечения, отдыха и т.д., поддержки извне (военной, финансовой, материальной, моральной, политической).

8. С афганским конфликтом была связана и информационная война, невиданная до этого времени по своему размаху и интенсивности ее ведения с использованием новейших пропагандистских средств и технологий. Она была поднята Западом и его союзниками в регионе на уровень главной задачи в борьбе против своих идеологических противников – Москвы и Кабула – и носила исключительно изощренный, массированный, крайне агрессивно–наступательный, насыщенный по своему идейно–политическому содержанию, видам, формам и методам воздействия на умы людей характер. В ход были пущены опробованные в других точках планеты жупел антикоммунизма и давно набивший оскомину лозунг о «защите прав и свобод человека». Следует заметить, что этот лозунг до сих пор остается в арсенале пропагандистских кампаний США главным таранным орудием в борьбе против неудобных им правителей и режимов. На афганском информационном поле широко использовались также тезисы об «угрозе исламу со стороны безбожного кабульского правительства», «утрате Афганистаном независимости», «геноциде против афганского народа со стороны советских войск» и др.

Нельзя согласиться со встречающимися нередко утверждениями о том, что у кабульского режима в развернутой против него информационно-пропагандистской войне не было никаких успехов и что он был фатально обречен на поражение из-за идейно-политической и социально-экономической несостоятельности своих лозунгов и доктрин и отсутствия поддержки со стороны афганского общества. Такие утверждения надуманны и не соответствуют действительности. Левый кабульский режим с 1980 г. осуществил немало конкретных добрых дел во благо страны и завоевал искренние симпатии и поддержку среди значительной части населения, особенно городского. Его усилиями на информационном поле вместе с лояльными ему светскими и духовными авторитетами были нейтрализованы и перестали «работать» ряд узловых пропагандистских тезисов противников Кабула, например, тезисы «ислам в опасности в Афганистане», о «нарушении прав и свобод человека в ДРА» и др. Положительный отклик и понимание среди широкой афганской общественности вызвала провозглашенная Наджибуллой политика национального примирения.

Однако, несмотря на несомненные успехи и достижения в этой сфере, официальный Кабул и стоявшая за ним Москва все же не сумели одержать верх в информационном противоборстве со своими противниками. Основными причинами их поражения явились: недооценка высшим советским и афганским руководством значения информационного фактора в борьбе против вооруженной оппозиции и вмешательства извне во внутриафганские дела; организационная разобщенность информационно-пропагандистских структур и отсутствие единого, эффективно действующего центра внутри- и внешнеполитической пропаганды; скудное финансирование информационной сферы и технологическая отсталость ее материальной базы; слабое знание и неучет в пропагандистской работе специфики страны и менталитета афганского народа; неумение и нежелание вести информационно-пропагандистскую работу в деревенской зоне, где проживала подавляющая часть населения страны; подмена живой разъяснительной работы среди простых людей словоблудием, ультрареволюционной трескотней, наигранным пафосом и пустыми призывами и заклинаниями, оторванными от реальной жизни, повседневных нужд и тягот изнуренного гражданской войной населения страны.

С исчезновением биполярного мира информационные войны, как фактор в мировой политике, к сожалению, не ушли в прошлое. Более того, взяв на свое вооружение новейшие информационные средства и технологии, они становятся в современную эпоху все изощреннее и опаснее для судеб многих стран и народов. Главным дирижером развернутой ныне Западом информационной войны в мире, как и прежде, в период «крестового похода» против мирового коммунизма, выступают Соединенные Штаты Америки, присвоившие себе роль «защитника мировой цивилизации», главного радетеля «прав и свобод человека» (в их американском понимании) и единоличного вершителя судеб человечества. Народы и страны, которые не хотят жить по американским стандартам и стремятся сохранить свои исторические и культурные ценности, свой образ жизни, вынуждены волей-неволей защищаться от американского диктата. Отсюда со всей очевидностью вытекает, что обеспечение информационной безопасности становится в наш век такой же важной и неотложной задачей во внутренней и внешней политике любой страны, большой и малой, как и других составляющих национальной безопасности – военной, экономической, экологической, продовольственной, энергетической и т.д.

9. Советская военная акция в Афганистане была широко использована раньше и продолжает использоваться и сейчас на постсоветском пространстве и за его пределами для дискредитации, очернения и развенчания социалистического строя и всего советского. На этом поприще, на грани истерии особенно усердствуют российские демократы и либералы и украинские националисты. Одним из излюбленных коньков их антисоветских спекуляций являются людские потери советских войск в Афганистане. При этом их не смущают весьма скромные цифры этих потерь убитыми – 14 453 человека. Конечно, кощунственно оправдывать чем-либо гибель наших людей в неведомой им стране,

поскольку любая человеческая жизнь бесценна и отдавать ее на заклатие ради чьих-либо корыстных интересов недопустимо ни при каких обстоятельствах. Однако надо быть объективным и самокритичным до конца. Наши людские потери в Афганистане не идут ни в какое сравнение с тем, что случилось и происходит на постсоветском пространстве при новоявленной «демократии». В связи с этим нелишне привести здесь любопытные данные, которые дает в своей книге «Афганская страда» генерал М.А. Гареев. Он, ссылаясь на признание бывшего министра обороны Украины Б. Шмарова, пишет, что «только в 1993 году в украинской армии погибло 1656 солдат и сержантов, а избито, травмировано сослуживцами около 10 тысяч человек», в то время как «за десять лет войны в Афганистане убито 1700 юношей, призванных с территории Украины». В России же, пишет далее генерал М.А. Гареев, «в условиях мирной жизни только в 1993 году в результате убийств, самоубийств, отравлений погибло 150 тысяч человек или в 10 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане». А сколько погибло на просторах бывшего СССР в результате локальных конфликтов? Вина за это, безусловно, лежит на тех, кто разрушил великую державу. К примеру, только в Таджикистане во время гражданской войны в 90-х годах погибло не менее 100 тысяч человек. Для сравнения в годы Великой Отечественной войны Таджикистан потерял 60 тысяч человек (см. об этом: Гареев М.А. Афганская страда. – С. 332–333).

10. Афганский опыт подтвердил, что при разрешении внутригосударственного конфликта наиболее предпочтительным для прекращения братоубийственной войны могло бы быть политическое урегулирование. Однако в Афганистане и военная составляющая могла бы дать положительный результат, если бы она не ограничивалась в свое время ограниченным контингентом советских войск. Демонстрация на деле подавляющего военного превосходства ОКСВ вместе с вооруженными силами ДРА показала бы бесперспективность расчетов Запада, его региональных партнеров и непримиримой оппозиции на военное решение афганской проблемы. Только при этом условии могли «работать» бесчисленные мирные инициативы Кабула по урегулированию ситуации внутри и вокруг Афганистана. Только при этом условии можно было вести торг с США и их союзниками по вопросам афганского урегулирования и смягчения напряженности в регионе и мире. Только при этом условии советская военная акция не обернулась бы для СССР утерянной победой.

Представляется, что изначально было ошибочно с политической и военной точек зрения решение высшего советского руководства вводить в Афганистан свои войска, но не воевать. И в последующем командование 40-й армии не было нацелено на достижение решительной победы над моджахедами. К тому же 40-я армия, половина контингента которой осуществляла охранные функции, не располагала для такой победы достаточными силами.

Прекращение гражданской войны в Афганистане было и остается возможным только на основе политического компромисса всех участвующих в ней сил. Такой основой мог бы стать сценарий, предложенный в свое время ООН, но оставшийся не реализованным под давлением США и их союзников и из-за непримиримой позиции вооруженной оппозиции.

11. Падение левodemократического режима в Афганистане в 1992 году было обусловлено рядом внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам относились: расширение и усиление военного давления на Кабул со стороны вооруженной оппозиции и захват ею значительной части территории страны; кризис власти в центре и на местах в результате опрометчивых уступок оппозиции, демонтажа правящей партии и дезорганизации управления страной; разложение государственного управленческого аппарата и утраты им способности выполнять свои функции; распад правительственной армии и переход крупных военачальников в стан вооруженной оппозиции; обострение межфракционной и клановой борьбы в руководстве правящей партии и государства; углубление межэтнических противоречий и выход из-под контроля Кабула обширного

севера и центра страны. Непосредственными внешними факторами крушения режима Наджибуллы явились эскалация вооруженного вмешательства извне во внутриафганские дела и особенно прямая военная агрессия Пакистана против Республики Афганистан; распад СССР, прекращение военной и гуманитарной помощи Афганистану и отказ горбачевско-ельцинского руководства в морально-политической и гуманитарной поддержке левого кабульского режима. По сути дела, афганские левые демократы были подло преданы последней советской и первой российской правящими верхушками. Этим был открыт путь к власти в Афганистане религиозным экстремистам, которые вскоре поставили под угрозу геополитические интересы самой России и многих стран в центральноазиатском регионе, безопасность и стабильность на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии и мире.

12. Афганский кризис с момента своего возникновения и до последнего времени прошел ряд стадий и имел несколько измерений: социально-экономическое, политическое, идеологическое, религиозное и этническое. По мере своего развития акценты смещались с одного на другое. На первых порах он имел социально-экономический и политический характер. С приходом к власти левых радикалов он, перейдя в русло вооруженной борьбы, приобрел четко выраженные идейно-политические черты. Когда власть в Кабуле в 1992 г. захватили моджахеды, на первое место выдвинулось и приняло ожесточенный характер этнорелигиозное противостояние в стане самих «борцов за веру» (правда, религиозный аспект всегда оставался в Афганистане завуалированным, однако всегда присутствовал, находя свое выражение во взаимной неприязни суннитов, шиитов, исмаилитов, приверженцев различных суфийских братств). На повестку дня встал вопрос территориального распада Афганистана по этническому и конфессиональному признакам. К 1996 году в стране образовалось, по крайней мере, если не считать не проявлявший особой военно-политической активности центр Афганистана – Хазараджат, три центра борьбы и зоны влияния: 1) персоязычный, тяготеющий к Ирану северо-запад страны (провинции Герат, Бадгис и Гор); экономически развитой север страны, населенный преимущественно национальными меньшинствами; и территория к югу от Гиндукуша, на которой компактно проживают пуштуны.

С приходом к власти талибов гражданская война перешла в русло сугубо межэтнической борьбы непуштунов против пуштунов, хотя некоторые исключения и случались, когда ряд пуштунских этнических формирований боролись против пуштунов-талибов. Территориальный распад страны по этноконфессиональному признаку сохранился и после завершения антиталибовской американо-натовской операции 2001–2002 гг. В стране образовалось не менее восьми самостоятельных центров силы. Власть центрального правительства в Кабуле не выходит фактически за пределы столицы и кабульской долины. Гражданская война продолжается. Афганистан все еще находится на перепутье от войны к миру. Не определен окончательно и внешнеполитический вектор ориентации. Внутри правительственной верхушки идет открытая и закулисная борьба между сторонниками пророссийской ориентации (ее выразителем является министр обороны, маршал М.Фахим), приверженцами США (ее олицетворяет президент ИГА Хамид Карзай) и представителями арабско-мусульманского лобби. В афганской интеллектуальной элите по-прежнему остаются сильными позиции демократических элементов, в том числе и левого толка.

Возвращение Афганистана на путь мирного развития, безусловно, соответствует геополитическим интересам всех стран региона и мира. Однако, надо признать, что такой вариант будущего этой страны вряд ли может во всем устроить США, для которых поддержание нестабильности в отдельных странах и регионах наилучшим образом отвечает их стратегии сохранения по всему миру своего военного присутствия. Впрочем, в стабилизации обстановки внутри Афганистана не заинтересованы и местные афганские наркодельцы, которые за период после падения правительства Наджибуллы переориентировали сельскохозяйственное производство в стране в значительных размерах

на выращивание наркосодержащих растений – опийного мака и индийской конопли. Получая миллиардные прибыли в иностранной валюте от преступного бизнеса, выходящего далеко за пределы не только страны, но и региона, наркоханы располагают огромными возможностями (и не только финансовыми), чтобы не допустить укрепления независимой от криминала центральной власти и сохранить на длительное время выгодное им состояние анархии и хаоса и раздробленность страны.

13. В судьбу Афганистана и дальнейшее сохранение напряженности внутри и вокруг этой страны с 2001 г. вмешался американо–натовский фактор. Вырвавшись далеко за пределы своего географического пространства, американо–натовский альянс превратил в арену своего военного присутствия огромный регион Центральной, Средней и Южной Азии, а также зону Аравийского моря и Персидского залива, чем реально создал угрозу, несмотря на иного рода заверения западных политиков, традиционным здесь геополитическим интересам России, Китая, Индии, Ирана и других стран. Под угрозу ставится безопасность территории Российской Федерации к востоку от Урала. Тревога по поводу национальных интересов и безопасности указанных стран еще более возрастает в связи с объявлением в данном регионе пресловутых «зон национальных интересов США», проводимой этой страной политики обласкивания и привязывания к себе привилегированных союзников, вроде Узбекистана, Грузии, Азербайджана, ее прямой военной агрессией против Ирака и воинственными заявлениями и претензиями в отношении Ирана.

События конца XX – начала XXI в. на Балканах, в Афганистане и Ираке ярко высветили и поставили на планете еще одну животрепещущую проблему – проблему сохранения в современную эпоху отдельными странами и народами своего государственного суверенитета и национальной независимости перед лицом необузданного диктата одной державы, обладающей огромнейшей военной мощью и большим промышленно–экономическим потенциалом. К сожалению, для многих стран, особенно тех, которые неуютны по тем или иным причинам мировому жандарму, возможности, сохранить национальную независимость и суверенитет остаются ограниченными: или обзавестись собственным мощным оружием сдерживания, или же войти в союзы коллективной безопасности и объединиться вокруг государств, уже обладающих оружием массового поражения и средствами его доставки в любую точку мира. Впрочем, такого рода альтернатива может иметь и негативные последствия, но, тем не менее, это будет лучше, чем вседозволенность одной сверхдержавы устанавливать по своей прихоти мировой порядок. Что касается Афганистана, то надо признать: американо–натовские операции, начавшиеся в конце 2001 г. против талибов, не принесли мир и безопасность на афганскую землю. Более того, после ликвидации в Кабуле их власти в гражданской войне в Афганистане появился еще один настораживающий элемент – вооруженное сопротивление иноземному военному присутствию со стороны пуштунов с участием талибов. Талибы, хотя и загнаны в горы, не утратили доверия к себе в массовом сознании афганцев. Нельзя забывать, что слово «талиб» в представлении простого пуштуна не ассоциируется с понятием «террорист» или «средневековый мракобес», а несет свой первоначальный смысл – «ученик духовной школы», а еще шире – «носитель и хранитель священных исламских ценностей». Так что Афганистану еще предстоит пройти трудную дорогу к миру, безопасности и стабильности.